

Д.И. Петин*

**УВОЛЬНЕНИЕ БЫВШИХ ОФИЦЕРОВ В ХОДЕ
ЧИСТОК СОВЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ 1928–1929 ГОДОВ
(НА ПРИМЕРЕ ОКРУЖНЫХ ФИНАНСОВЫХ
ОТДЕЛОВ СИБИРИ)****doi:10.31518/2618-9100-2023-1-7
УДК 93/94:35.083.51

Выходные данные для цитирования:
Петин Д.И. Увольнение бывших офицеров в ходе чисток советских учреждений 1928–1929 годов (на примере окружных финансовых отделов Сибири) // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 90–104. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-07.pdf>

D.I. Petin*

**DISMISSAL OF EX-OFFICERS DURING THE PURGES
OF SOVIET INSTITUTIONS 1928–1929 (ON THE EXAMPLE
OF THE DISTRICT FINANCIAL DEPARTMENTS OF SIBERIA)****

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-7

How to cite:
Petin D.I. Dismissal of Ex-Officers during the Purges of Soviet Institutions 1928–1929 (On the Example of the District Financial Departments of Siberia) // Historical Courier, 2023, No. 1 (27), pp. 90–104. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-07.pdf>]

Abstract. In the current quarter of a century, Russian scientists in their writings increasingly began to turn to understanding the various socio-political consequences of the Civil War that took place in early Soviet society. The key figures in those socio-political processes of the 1920s often became representatives of the officers, who were part of the intellectual elite of society due to the rather high educational qualification by the standards of the time. The demand for representatives of this category of society in the USSR, as in specialists, was sometimes extremely high. At the same time, already in the 1920s ex-officers (regardless of their ideological views) have fully experienced numerous political harassment. A vivid example of this was the sphere of labor relations and the closely related issue of personnel purges. In this regard, this article, using the regional example of the district financial departments of Siberia, analyzes a very contradictory situation that took place in connection with the dismissals of ex-officers in the period from the autumn of 1928 to the summer of 1929. Based on familiarization with the developments of historiography, this aspect fell out of the field the point of view of historians. The study is based on a complex of unpublished sources from the funds of the State Archive of the Novosibirsk Region. The article is addressed to a wide range of specialists studying the early Soviet society, in particular, the practice of social adaptation (including the position of former officers), the organization of intellectual labor (on the example of financial authorities), Soviet repressive policies (including personnel purges), and also Siberian local history.

Keywords: officers, former people, Soviet society, personnel purges, Stalinism, financial officials, financial authorities.

The article has been received by the editor on 01.10.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Дмитрий Игоревич Петин**, кандидат исторических наук, Омский государственный технический университет, Омск, Россия, e-mail: dimario86@rambler.ru

Dmitry Igorevich Petin, Candidate of Historical Sciences, Omsk State Technical University, Omsk, Russia, e-mail: dimario86@rambler.ru

** Исследование подготовлено при поддержке РНФ, проект 22-28-20144 «Белое офицерство в советском Омске: социальный портрет и проблема адаптации (ноябрь 1919 – 1927 гг.)»

The study has been prepared with the support of the Russian Science Foundation, the project 22-28-20144 “White Officers in Soviet Omsk: Social Portrait and Adaptation Problem (November 1919–1927)”.

Аннотация. В текущую четверть века российские ученые в своих трудах все чаще стали обращаться к осмыслению разнообразных социально-политических последствий Гражданской войны, имевших место в раннем советском обществе. Ключевыми фигурантами общественно-политических процессов 1920-х гг. часто становились представители офицерства, являвшиеся частью интеллектуальной элиты общества в силу достаточно высокого по меркам времени образовательного ценза. Востребованность в представителях этой категории общества в СССР как в специалистах подчас была крайне велика. При этом, уже в 1920-е гг. бывшие офицеры (независимо от своих идеологических воззрений) сполна испытали многочисленные притеснения по политическому признаку. Ярким примером тому стала сфера трудовых отношений и тесно связанный с ней вопрос кадровых чисток. В связи с этим в данной статье на региональном примере окружных финансовых отделов Сибири анализируется весьма противоречивая ситуация, имевшая места в связи с увольнениями бывших офицеров в период с осени 1928 г. по лето 1929 г. Исходя из ознакомления с наработками историографии, данный аспект выпал из поля зрения историков. В основу исследования положен комплекс неопубликованных источников из фондов Государственного архива Новосибирской области. Статья адресована широкому кругу специалистов, изучающих ранний советский социум, в частности практики социальной адаптации (в том числе положение бывших офицеров), организацию интеллектуального труда (на примере финансовых органов), советскую репрессивную политику (в том числе кадровые чистки), а также сибирское краеведение.

Ключевые слова: офицерство, бывшие люди, советское общество, кадровые чистки, сталинизм, финансовые служащие, финансовые органы.

Статья поступила в редакцию 01.10.2022 г.

Сегодня российская историческая наука уделяет значимое внимание социальной мобильности офицерства в условиях военно-революционных процессов 1917–1922 гг. и раннем советском социуме. Понимание политического и повседневного бытования представителей этой категории общества в РСФСР–СССР тесно сопряжено с притеснением ее представителей по идеологическим мотивам в числе иных сословий, привилегированных в дореволюционной России. Как и другие «бывшие люди», офицеры в конце 1920-х гг. сполна испытали на себе «трудовую дискриминацию», будучи затронуты массовой кампанией по «оздоровлению кадров» советских учреждений.

Стоит учесть общесоюзный контекст противоречивой эпохи: в условиях недавно окончившейся Гражданской войны при укреплении власти И.В. Сталина шло формирование нового государства и его правящей элиты. Став элементом социальной повседневности, чистки партийных ячеек и советских учреждений с опорой в действиях на ОГПУ и партийные контрольные комиссии выступали тогда одним из ключевых методов реализации той политики с ее проекцией на регионы. Командно-административная система делала ставку на выходцев из рабочих, «выводя из игры» интеллигенцию¹. В условиях начала свертывания нэпа экономика обоснованно продолжала быть ключевой государственной сферой. Присутствие в ней «бывших людей» становилось частью идеологических противоречий, вызвавших новый виток модернизации и сопряженное с ним резкое ужесточение общественно-политической жизни в СССР. Кампания по выявлению «лишних», вылившаяся в масштабные кадровые чистки, прошла в 1927–1929 гг. в финансовых структурах страны.

¹ См., напр.: Анфертьев И.А. Политический и административный ресурс правящей РКП(б)–ВКП(б): поиск модели социального государства в 1920–1930-х гг. // Вестник архивиста. 2016. № 4. С. 197–224; Красильников С.А. «Генеральная чистка» госаппарата 1929–1932 годов как проявление кризиса легитимности партийного государства. ЭКО. 2020. № 8. С. 166; Смирнова Т.М. Чистки соваппарата как часть повседневности 1920–1930-х гг. // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2009. № 3. С. 103–120.

Это происходило и на самом высшем уровне, и на периферии. В региональных учреждениях НКФ СССР, каковые соприкасались «с широкими трудовыми массами», данные мероприятия в 1928–1929 гг. шли под лозунгом накопления опыта перед генеральной чисткой советского аппарата². Работники экономической сферы и в течение 1930-х гг. продолжали быть «приоритетом» для советской репрессивной машины³. Пример тому – Госбанк СССР⁴.

Хотя о широких социальных последствиях Гражданской войны сегодня активно пишут историки, но в целом положение в советской Сибири в 1920-е гг. бывших офицеров исследовано фрагментарно, вопрос их службы в экономическом секторе, в частности в ключевых финансовых учреждениях региона (окружных финотделах), не изучен. Региональная специфика темы особенно важна. Сибирь в 1918–1919 гг. олицетворяла альтернативу государственно-политического развития России, антибольшевистская власть здесь имела более чем полумиллионную армию, сотни тысяч представителей которой, после поражения белого движения, сдались на милость победителей, пытаясь строить новую жизнь в большевистской Сибири. Особенно интересны в этом смысле представители командно-административного состава старой и белой армии. Но широко использовавшийся в 1920-е гг. социальный маркер «бывший (белый) офицер» включал в себя лиц, некогда имевших чин генерала или офицера, а также юнкеров и военных чиновников⁵.

Мы выделяем данную категорию советского общества (в том числе для изучения процессов кадровых чисток) в силу того, что эти люди оказались особо подвержены различным социальным трансформациям в эпоху государственно-политических катаклизмов 1914–1922 гг. Многие прервали свой мирный труд или учебу будучи мобилизованы в командно-административный состав армии в годы Первой мировой или Гражданской войны; кто-то из них потом связал жизнь с военной службой, а кто-то, наоборот, в итоге оставил ее. Важно учесть, что часть представителей офицерства была молодежью, чье психологическое взросление прошло в условиях стихии 1917 г. и новой системы ценностей⁶. Большинство из них, имея приличный по меркам времени образовательный ценз, успешно обрели себя в РСФСР-СССР как гражданские специалисты. Сфера финансов не стала исключением.

Наш акцент именно на эти структуры неслучаен: они входили в число первостепенных государственных учреждений каждого региона. В 1925 г. в связи с изменением системы административно-территориального деления через преобразование губернских финотделов создали аналогичные структуры округов, составлявших Сибирский край. Окружные финотделы курировал Сибирский краевой финотдел (с 1929 г. – управление). От их работы напрямую зависели проведение в округе мероприятий по линии НКФ СССР и вся хозяйственно-экономическая деятельность в округах Сибири (сметно-кассовое дело, налоги, местный бюджет, контрольно-бухгалтерские функции). По обязанностям службы персонал финотделов соприкасался и с секретной информацией. Труд в этих учреждениях подчас требовал соответствующей квалификации опыта, что в 1920-е гг. (период формирования советской интеллигенции) обусловило присутствие среди их сотрудников «бывших людей». Это обстоятельство, по мнению сибирских партийных структур, ставило окружные финотделы в число первостепенных структур при кадровой чистке⁷. Влияние здесь оказывали и

² Киселева Е.Л. Чистки государственных учреждений в 1929–1932 гг. как советский метод борьбы с бюрократизмом // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2009. № 4. С. 60–74.

³ Красильников С.А. «Не для печати»: «чистки» специалистов как инструмент большевистской политики в 1928 году // Вестник Новосибирского государственного университета. 2012. № 1. С. 153.

⁴ См. напр.: Николаев М.Г. Госбанк СССР в 1927–1929 гг.: курс на «оздоровление» кадров накануне полномасштабной «чистки» советского госаппарата // Российская история. 2020. № 5. С. 124–141.

⁵ Алексеева О.А., Журавлев Е.Н., Сушко А.В. Рецензия: «Белые офицеры – красная власть»: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 г. – 1920-е гг.). Омск: Амфора, 2017 // Северные Архивы и Экспедиции. 2018. Т. 2, № 3. С. 47–48.

⁶ Рыбаков Р.В. Восприятие революции в России молодежью: по материалам писем и дневников 1917-го – первой половины 1920-х гг. // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2017. № 2. С. 31–32.

⁷ ГАНО. Ф. Р-6. Оп. 2А. Д. 16. Л. 219.

органы ОГПУ, за годы нэпа усилившие оперативную работу и по экономической линии, и в отношении представителей бывшего офицерства⁸.

Содержательные источники к изучению кадровой политики советских учреждений в 1920–е гг. – делопроизводство и переписка ведомств. Уже при создании эти документы получали гриф секретности, значительная часть их до конца 1980-х гг. была закрыта. Поэтому основанные на подобных комплексах источников исследовательские наработки, затрагивающие положение «бывших людей» в Сибири в контексте трудовых отношений, связаны с новейшей историографией⁹. Но офицерство относительно региона в этих трудах рассмотрено фрагментарно. Значимые обобщения сделаны с акцентом на Новосибирске и Томске о бывших белогвардейцах, ставших лишенцами и жертвами массовых политических репрессий¹⁰.

Ситуация применительно к чисткам 1928–1929 гг. в финотделах Сибири выпала из внимания исследователей. Цель нашей работы – устранить эту лауну, проанализировав статистику и причины увольнения бывших офицеров из окружных финотделов. Репрезентативный комплекс неопубликованных источников по этому вопросу (отчеты с мест, представленные в Сибирский краевой финотдел; аналитические записки по итогам чисток) выявлен в Государственном архиве Новосибирской области, в фонде финотдела Западно-Сибирского краевого исполкома.

Процессы политического встраивания населения в поствоенные реалии нового советского социума в целом шли весьма напряженно¹¹. Поэтому методологическую основу нашего исследования составило сочетание теории социальной адаптации с принципом системности, антропологическим подходом, проблемно-хронологическим и статистическим методами. Этот теоретический блок позволил достичь обозначенной цели, внося важные уточнения в картину социального бытования бывших офицеров в условиях нарастания сталинской модернизации, дополняя на примере кадровых чисток понимание общественно-политических процессов в контексте Сибири. Это дает выход на актуальные проблемы изучения раннего советского общества – поведенческие стратегии и практики среднего класса, бытование «бывших людей», взаимоотношения государства и интеллигенции, репрессивную политику.

Рассмотрим общую ситуацию относительно чисток кадров в финансовых учреждениях Сибири. Обращение ЦК ВКП(б) от 2 июня 1928 г. «О развертывании самокритики» послужило стимулом к общесоюзной чистке. По закономерно последовавшей директиве Сибирского краевого финотдела с осени 1928 г. в ряде окружных финотделов началась ведомственная чистка аппарата сотрудников. Учитывая, что в отчетах фигурирует дата 1 октября 1928 г., вероятно, она – условное хронологическое начало чисток в окружных финотделах. По первичным обобщениям на начало декабря 1928 г. из 1335 работников, проверяемых в это время, признали подлежащими немедленному увольнению 85 чел., следо-

⁸ Пример Омского региона: *Василевский В.П., Сушко А.В.* «Стражи революции»: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск: ОмГТУ, 2017. С. 126–137, 164–204.

⁹ См., напр.: *Красильников С.А.* «Генеральная чистка» госаппарата 1929–1932 годов как проявление кризиса легитимности партийного государства // ЭКО. 2020. № 8. С. 164–192; *Исаев В.И.* Чистки кадрового состава судебных органов Сибири в 1920–е – начале 1930-х гг. // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2015. № 13. С. 52–65; *Литвинова О.А.* Чистка государственного аппарата в Сибири в середине 1920-х гг. в ракурсе проблемы нисходящей мобильности в советском социуме // Ползуновский альманах. 2015. № 3. С. 152–156; *Пыстина Л.И.* «Чистка» специалистов Сибкрайсовнархоза в 1930 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2001. № 2. С. 65–69; *Разгон В.Н.* Партийные чистки 1933–1936 гг. и Большой террор: микроисторический подход (на примере Солтонского района Алтайского края) // *Universum: Общественные науки*. 2016. № 12. С. 10–14; *Фоминых С.Ф., Шандала Д.Е.* «Чистка» студентов в Томском государственном университете в конце 1920-х гг. как инструмент пролетаризации высшей школы // *Вестник Томского университета*. 2016. № 411. С. 177–182.

¹⁰ *Саламатова М.С.* «Лучше бы расстреляли меня сразу...»: судьбы офицеров белых армий в Сибирском крае (1921–1929 гг.) // Тюменский исторический сборник. 2015. № XVII. С. 214–228; *Уйманов В.Н.* Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 – 1941 г.). Томск, 2012. С. 140–141, 153–209.

¹¹ См. подробнее: *Шишкин В.И.* Политическая адаптация населения Сибири в XX веке: теоретико-методологические подходы и историографические результаты изучения // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века. Новосибирск, 2015. С. 3–44.

вало сделать замену 73 чел. Чистки в рамках Сибири тогда затронули 158 служащих финотделов (11,8 % от общего числа подвергнутых рассмотрению комиссиями). В разных округах «засоренность» штатов «чуждым элементом» составила от 4,3 до 35,4 %¹².

Но поскольку директива о чистке пришла в округа Сибири внезапно и с требованием скорого исполнения, ее реализация в жизнь стала ударом по региональной системе финансов, ведя к ситуации «трудового абсурда». «Самоочистка» охватила главным образом квалифицированных работников – инструкторов, фининспекторов, их помощников. Эти должности нередко занимали бывшие офицеры либо бывшие гражданские чиновники. Наряду с уволенными в сложной ситуации тогда оказались и заведующие окружными финотделами, и оставшийся работать персонал. В течение 1920-х гг. сфера финансов испытывала дефицит кадров: общую нехватку образованных специалистов вызывали последствия двух войн и эпидемий. К примеру, некомплект штата в Омском окружном финотделе на 1926 г. составлял 20 %¹³. В более удаленных местностях ситуация была хуже. Логично, что в ходе чисток плановая нагрузка резко возросла, а условия труда ужесточились как в производственном, так и в психологическом отношении. Далее ситуация лишь усугублялась. Так, прошедший все чистки бывший генерал белой армии, старший инспектор Омского окружного финотдела Н.Н. Артамонов пояснял причину своего ухода в 1931 г.: «работа в окружном финотделе была очень напряженной, рабочий день доходил подчас до 12 часов в сутки»¹⁴.

Как видно из отчетов, руководители окружных финотделов в той ситуации вели себя двояко. Одни, обрекая вверенные структуры на «кадровый голод», спешили уволить бывших офицеров в числе иных работников с «политически неблагонадежным» прошлым. Тут могли сказаться опасения за свой управленческий имидж и перед новосибирским начальством, и перед ОГПУ. Другие местные управленцы поступили рискованно, но «по-хозяйски», более рационально в производственном смысле. Понимая, что исполнение указания из Новосибирска неизбежно приведет к резкому дефициту специалистов организационно-инспекторского профиля, они лишь наметили претендентов на увольнение, оставив их работать «в ожидании» – до момента получения на замену в штат окружного финотдела другого сотрудника, политически благонадежного и полностью соответствующего по квалификации увольняемого лица. Сибирский краевой финотдел массово получал из округов требования на новый персонал, к лету 1929 г. суммарно составившие 50 штатных единиц¹⁵.

Эта цифра была весьма велика и касалась, по всей видимости, наиболее узких по специализации должностей. Стоит учесть относительно небольшое число действовавших тогда в Сибири учебных заведений, осуществлявших немногочисленные выпуски квалифицированных специалистов финансово-экономического профиля. При том что общая потребность со стороны учреждений всех сфер на данных работников была высока. И все же контрольной комиссией РКИ по итогам проверки после чистки отмечалось, что «засоренность в окружных финотделах снизилась, но аппараты не очищены полностью, при том что имеются работающие лиценцы (квалифицированные сотрудники)». Также всем заведующим окружными финотделами ставилось на вид слабое знакомство с биографией личного состава до 1917 г. и в период Гражданской войны¹⁶. Перечисленные процессы и характеристики напрямую касались сотрудников из числа бывших офицеров. Показательно, что в отчетах о кадровой чистке каждым окружным финотделом данные по этим работникам, как по лицам, подлежащим первостепенному увольнению, выделялись отдельно. Но исполнение директивы Новосибирска в округах, несмотря на предписание об экстренности, шло относительно неспешно. Так, к маю 1929 г. (за более чем полгода) лишь 8 из 19 окружных финотделов отчитались перед краевым начальством о проведении мероприятий. Выявленные данные

¹² ГАНО. Ф. Р-6. Оп. 2А. Д. 17. Л. 235.

¹³ Петин Д.И., Стельмак М.М. Кадровый состав Омского окружного финансового отдела: источниковедческий анализ и статистика. Август 1927 г. // Вестник архивиста. 2020. № 2. С. 384.

¹⁴ Петин Д.И., Каминский В.В. Генерал-майор Генштаба Н.Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 290.

¹⁵ ГАНО. Ф. Р-6. Оп. 2А. Д. 17. Л. 235–235 об.

¹⁶ Там же.

получилось обобщить (см. табл. 1)¹⁷. Но главный недостаток имеющихся источников, используемых для оценки ситуации весны 1929 г., связанной с увольнениями офицеров, – отсутствие единой формы, установленного объема и степени подробности представлявшихся данных (как по чистке в целом, так и отдельно по офицерству). В тот момент сообщаемые качественные показатели в отчетах округов, направляемых в Новосибирск, зависели, очевидно, от мнения местного руководителя. Больше число подробностей о сотрудниках из числа бывших офицеров представил Иркутский окружной финотдел. Иная отличительная черта отчетов о чистке по состоянию на май 1929 г. – полное обезличивание данных. Хотя поименные и более подробные сведения на увольняемых лиц от каждого окружного финотдела все же затем поступили в Новосибирск по затребованию для формирования новых региональных директив в развитие политической дискриминации труда.

Обобщения (табл. 1) позволяют сделать вывод о том, что наибольшее количество бывших офицеров, оставшихся в советской Сибири, в 1920-е гг. жили в крупных административных и военных центрах (Омск, Новосибирск, Иркутск, Красноярск), где в завершающий период Гражданской войны при наступлении красных войск произошли массовые сдачи белогвардейцев в плен, а затем располагалось немало частей и штабных структур РККА, где многим бывшим офицерам нашли применение на службе. Многие из бывших колчаковцев, уже к 1921 г. оставив военную службу в порядке массового увольнения, пытались найти себя на гражданской ниве в этих же городах. Это объяснимо: ведь социализироваться отчасти им было проще либо в месте рождения, либо там, где длительно довелось служить. Такая тенденция прослеживается и по кадрам окружных финотделов: и при обращении к обезличенным числовым данным, и при детализации биографий.

Данные по чистке (как минимум даже на приведенных выше примерах Омска и Иркутска) демонстрируют значительное изменение социального состава армии, активно шедшего в годы Первой мировой войны. Так, большая часть этих офицеров не были кадровыми, судя по чинам – получили производство в офицеры в военное время, как и армейские чиновники (исходя из их служебного статуса), призванные на службу в период войны.

На первый взгляд, к осени 1928 г. бывшие офицеры в целом составляли относительно общего штата окружных финотделов небольшое число сотрудников. Но надо помнить, что подчас это могли быть «штучные кадры» – работники с высоким образовательным цензом, квалификацией и трудовыми компетенциями. Яркий пример тому – бывший военный финансист и интендант, генерал старой и белой армий Н.Н. Артамонов (1872–1937). Жизненный финал этого человека был трагичен, но в тот момент он – организатор системы местных финансов в Омском округе и один из лучших работников административного звена¹⁸. Показательны в этом смысле опыты Омска и Красноярска, где бывших офицеров в первую волну чисток не увольняли. Но, всячески стремясь таких специалистов сберечь, осознанные руководители балансировали на тонкой политической грани «сочувствия контрреволюции». Тем не менее по другим городам процент уволенных бывших офицеров составил от 25 до 50 от изначального числа. То есть тогда чистка уже ощутимо затронула эту категорию персонала окружных финотделов.

Первые результаты чисток повлекли появление новых местных директив, связанных с уволенными работниками. Так, Сибирский краевой финотдел 7 декабря 1928 г. адресовал по линии своих учреждений в округа секретное письмо с приложенным внушительным списком «вычищенных» сотрудников окружных финотделов, кому впредь воспрещалась работа в данной сфере. Бывшие офицеры в этом документе заметно выделялись. В отличие от приславшихся с мест ранее и затем в течение 1929 г. таблиц с лишь числовыми показателями, этот документ более информативен, давая представления о картине в регионе, обстоятельствах и причинах увольнения представителей названной категории «бывших людей», сообщая некоторые социальные характеристики¹⁹.

¹⁷ ГАНО. Ф. Р-6. Оп. 2А. Д. 17. Л. 29, 34, 44, 49 об., 53, 59–61, 207 об.

¹⁸ См. подр.: *Петин Д.И., Каминский В.В.* Генерал-майор Генштаба... С. 291–292.

¹⁹ ГАНО. Ф. Р-6. Оп. 2А. Д. 16. Л. 92.

Но краевое руководство вряд ли устроили первичные итоги, поэтому чистки финансовых органов Сибири, шедшие осенью 1928 г. были лишь предтечей. Сибирский краевой финотдел к 15 июня 1929 г. предписал руководителям названных структур наметить дальнейший план действий по чисткам. Проверка РКИ по итогам чистки внесла Сибирскому краевому финотделу ряд представлений, формально носящих характер предложений, но сформулированных директивно, в духе набиравшей обороты сталинской модернизации.

Таблица 1

Выборочные данные об изменении количества сотрудников из числа бывших офицеров в окружных финотделах Сибири с октября 1928 г. по май 1929 г.

Окружной финотдел	Штат, всего чел.		Бывшие офицеры, чел.					
	01.10.1928	01.05.1929	01.10.1928		01.05.1929		Уволенные от общего числа бывших офицеров на 01.05.1929	
			Всего	% от штата ¹	Всего	% от штата ¹		
					Кол-во	%		
Барабинский	46	49	2	4,3	1	0,2	1	50
Барнаульский	96	91	4	4,1	3	3,3	1	25
Иркутский	153	153	14 ²	9,1	10 ²	6,5	4	28
Каменский	44	45	2 ³	4,6	1 ³	2,2	1	50
Канский	61	59	9	11,4	6	8,5	3	33
Красноярский	109	111	7	6,4	7	6,3	0	0
Омский	216 ⁴	–	15 ⁴	6,9	–	–	– ⁵	–
Томский	128	126	13	10,2	8	6,3	5	38

Примечания:

¹ Подсчет автора.

² На 1 октября 1928 г.: полковник, подполковник, капитан, штабс-капитан, 2 поручика, 2 подпоручика, 4 прапорщика, 2 военных чиновника; на 1 мая 1929 г.: капитан, штабс-капитан, поручик, подпоручик, 4 прапорщика, 2 военных чиновника.

³ Происходили из крестьян.

⁴ К письму Омского окружного финотдела имелось статистическое приложение, но в архивном деле его нет. Приведенные в графе сведения – из другого источника и по состоянию на август 1927 г.: генерал-майор, штабс-капитан, поручик, 2 подпоручика, 1 хорунжий, 3 прапорщика, 6 военных чиновников²⁰.

⁵ На 7 декабря 1928 г. в ходе чистки из Омского окружного финотдела уволили 19 сотрудников (из них – ни одного бывшего офицера). Цифра осталась той же и на 19 июня 1929 г.

Во-первых, намеченные к чистке и работающие лишенцы подлежали не только скорейшему увольнению; Сибирский краевой финотдел должен был принять упредительные меры к недопущению работы данных лиц в сфере финансов. Во-вторых, следовало наладить точный качественный учет личного состава финансовых органов, учитывая социальное происхождение, морально-деловые качества и политическую благонадежность сотрудников. И, в-третьих, кадровую политику следовало строить в соответствии с «требованиями времени»: оценив степень «засоренности» краевого и окружного аппарата «чуждым элементом», составить план его «политического оздоровления». Эти меры должны были включать

²⁰ Петин Д.И., Стельмак М.М. Кадровый состав... С. 384, 386.

прежде всего ротацию работников и поиск новых кадров (причем не только из числа студентов, выпускников, но и привлечение специалистов «от станка»)²¹.

Сибирский краевой финотдел 19 июня 1929 г. направил всем подчиненным окружным финотделам секретное письмо, во многом аналогичное тому, что было за полгода до этого. Бумага выделяла две категории тех лиц, кто незамедлительно и первостепенно подлежал увольнению: 1) бывшие белогвардейцы, полицейские, а также политически неблагонадежные; 2) сотрудники, замеченные в пьянстве, разложении и незаконных связях с «частниками» (предпринимателями). Вновь Сибирский краевой финотдел запрашивал у подведомственных окружных структур отчеты о реализованных и планируемых шагах по кадровой чистке. К письму прилагался актуализированный список лиц, уволенных на основании решений местных комиссий из окружных финотделов. Но как отмечалось, этот поименный перечень не был абсолютно полным, поскольку на тот момент не все округа прислали сведения в Новосибирск²². Данные из документа удалось обобщить, присоединив имеющиеся у отдельных персоналий краткие «антисоветские» характеристики (табл. 2)²³. Такие сведения сообщались (с разной степенью подробности) в качестве мотивов к увольнению. В сопоставлении с иными эго-источниками это дает некие представления о личности «вычищенного» «бывшего человека» (представители офицерства – не исключение), равно как и о психологическом климате в советском провинциальном трудовом коллективе. Таким образом, можно уверенно сказать, что приложение к письму от 19 июня 1929 г. – полезный источник для изысканий по социальной истории и историко-антропологическим сюжетам.

Для исследования важно соотнести упомянутые выше секретные письма Сибирского краевого финотдела, что позволяет сделать выводы о характере чисток в масштабах макро-региона и о том, насколько эти процессы затронули трудовые коллективы и работавших в них представителей бывшего офицерства. Так, из материалов кадрового делопроизводства явствует, что умение «узреть контрреволюционера/белогвардейца», выполнив задания по чистке, тогда вошло в число важнейших критериев эффективности работы советского управленца. Данный «параметр» стал находить отражение в служебных характеристиках заведующих окружными финотделами²⁴. Надо полагать, что такая тенденция была общей для страны. Логично, что ни один из окружных управленцев не мог оставить без внимания подобные указания из Новосибирска. Ответные письма характеризуют ситуацию в целом и проведение чисток на местах: где-то вполне реальная, а где-то лишь видимая активность имела место. Но не все было однозначно, в том числе в отношении бывших офицеров.

Так, в письме от 6 июня 1929 г. заведующий Омским окружным финотделом сообщал в Новосибирск, что местная ячейка ВКП(б), экономическая комиссия и местком при тесном взаимодействии с окружным отделом ОГПУ ведут активную подготовку к чистке аппарата: собираются материалы о прошлом сотрудников, пишутся характеристики на них. Вопросы чистки освещаются в стенгазете, вывешен ящик для материалов на работников, подлежащих проверке²⁵. Здесь важно знать противоречивую парадоксальность ситуации. Процент экс-белогвардейцев, живших в Омске, был тогда значителен. В местном окружном финотделе было самым большим по Сибири количество служащих из числа бывших офицеров. Но, как упоминалось выше, в названном учреждении не было увольнений представителей этой категории финансовых служащих в ходе чисток осени 1928 г. – лета 1929 г.

Отдельные ответы с мест в Новосибирск напоминали отписки. Предоставляя сведения об итогах кадровой чистки, заведующий Барнаульским окружным финотделом в октябре 1929 г. сообщал, что «аппарат еще засорен чуждым элементом (бывшие офицеры, дворяне, чиновники) и чистка его необходима»²⁶. В письме заведующего Каменским окружным финотделом от 14 июня 1929 г. без объяснения причин сообщалось, что за первое полугодие

²¹ ГАНО. Ф. Р-6. Оп. 2А. Д. 17. Л. 235 об.

²² Там же. Д. 16. Л. 219.

²³ Там же. Л. 93–96, 207–207 об., 222–231.

²⁴ ГАНО. Ф. Р-6. Оп. 2А. Д. 17. Л. 324.

²⁵ Там же. Л. 35.

²⁶ Там же. Л. 49 об.

1929 г. ведомственные чистки в учреждении «не проводились, хотя за них несколько раз пытались браться»²⁷. Штат учреждения покинул один из двух работавших экс-офицеров (см. табл. 2). Но мотив его ухода по документам не соотносится с чисткой.

Имели место свои казусы. Находились те, кто пытался противостоять трудовой дискриминации. Так, заведующий Канским окружным финотделом в секретном письме от 1 октября 1929 г. в Сибирский краевой финотдел описал непростую кадровую ситуацию. Он докладывал, что из 9 бывших офицеров им уволены трое, с остальными проделать то же самое он допускал возможным, получив должную кадровую замену. Показатель по чистке мог быть больше, но одного из «вычищенных» пришлось восстановить по решению третейского суда²⁸. В 1929 г. как специалист высокой квалификации добился восстановления в должности бывший офицер Н.И. Назаров – экономист Новосибирского окружного финотдела, «вычищенный» в 1928 г.²⁹

Руководитель Иркутского окружного финотдела сообщал, что для «последовательного улучшения личного состава аппарата в течение 1928/29 гг.» было намечено к чистке еще 17 сотрудников, в их числе – 2 бывших белых офицера; в скупых характеристиках читаем: «Боровский Матвей Григорьевич, доброволец колчаковской армии, работник хороший, но для Черемховского района нужно командировать инспектора-партийца, а Боровского использовать во внутреннем аппарате», «поручик Наричин Василий Лаврентьевич, должности соответствует, но как бывшего белого офицера целесообразно устранить»³⁰. Как видно, претензий к качеству работ, выполняемых данными работниками, у их руководства не было. В отношении этих лиц трудовая дискриминация носила политический характер, имея «во главе угла» белогвардейское прошлое.

Но, сопоставляя показатели количества бывших офицеров, работавших в окружных финотделах на осень 1928 г. и к лету 1929 г., можно с уверенностью утверждать, что их число заметно уменьшилось. Совокупность таких работников в каждом округе была различна, в ряде отдаленных местностей их не имелось вообще (Ачинск, Киренск, Рубцовск, Славгород, Тулун, Усть-Абаканское). Но вполне очевидно, в каких именно окружных финотделах чистка бывших офицеров имела максимальные показатели. Это следует из двух ключевых параметров: 1) доля уволенных офицеров относительно общего числа «вычищенных»; 2) степень уменьшения за период с осени 1928 г. по лето 1929 г. количества бывших офицеров в штате окружного финотдела. Как видится, при проведении чистки данной категории работников не в полной мере было значимо, сколько именно их изначально было в штате. Для ситуации и функционеров начальствующего звена, скорее, имело суть удалить из коллектива «большее число» бывших «золотопогонников» от общего количества таковых. Так, руководители окружных финотделов в Барабинске, Иркутске, Камне, Канске, Красноярске и Томске «старательно» исполнили предписание Сибирского краевого финотдела Пусть контрастно выбивается из тенденции парадокс Омска, при кадровых чистках в окружных финотделах Сибири «нажим» на бывших офицеров был очевиден. За полгода в 2,5 раза возросла их доля от общего объема «чуждого элемента», уволенного из окружных финотделов при чистках. За тот же срок в названных учреждениях фактически в 3 раза выросло общее число уволенных бывших офицеров (см. табл. 2).

Но с подлежащими к чистке по письму от 19 июня 1929 г. категориями служащих окружных финотделов складывалась двоякая ситуация. Если 1-я категория работников, выделялась сугубо политизированно (как антисоветский элемент), то увольнение 2-й категории сотрудников за пьянство, халатность и незаконные связи с предпринимателями было сполна оправданной мерой к оздоровлению кадров. Иное дело, что некоторые «вычищенные» (касалось это и бывших офицеров) попадали сразу под обе градации, что не оставляло им шанса остаться в коллективе. Но, анализируя прецеденты увольнений бывших

²⁷ ГАНО. Ф. Р-6. Оп. 2А. Д. 17. Л. 207–207 об.

²⁸ Там же. Д. 16. Л. 37.

²⁹ Там же. Л. 225.

³⁰ Там же. Л. 167 об. – 170, 172.

офицеров из окружных финотделов Сибири по состоянию на 19 июня 1929 г., очевидно, что большую часть их вычистили по 1-й категории.

Таблица 2

Динамика увольнения бывших офицеров из окружных финотделов Сибири в первой половине 1929 г.

Окружной финотдел	Уволено сотрудников, чел.		Из них бывших офицеров, чел.		% бывших офицеров от числа уволенных ¹		% уволенных бывших офицеров на 19.06.1929 от общего числа их на 01.10.1928
	на 07.12.1928	на 19.06.1929	на 07.12.1928	на 19.06.1929	на 07.12.1928	на 19.06.1929	
Ачинский	0	–	0	–	–	–	0
Барабинский	0	12	0	2 ²	–	16,7	50
Барнаульский	13	13	0	0	–	–	25
Бийский	–	10	–	2 ³	–	20	20
Иркутский	21	21	3 ⁴	3 ⁴	14,3	14,3	50
Каменский	–	–	2 ⁵	1 ⁵	–	–	50
Канский	17	10	0	0	–	–	33
Киренский	–	5	–	0	–	–	0
Красноярский	7	8	2 ⁶	4 ⁶	28,6	50	57
Минусинский	0	7	0	6 ⁷	–	85,7	–
Новосибирский	11	10	1 ⁸	1 ⁸	9,1	10	9
Ойротский	3	3	0	1 ⁹	–	33,3	–
Омский	19	19	0	0	–	–	–
Рубцовский	–	4	–	0	–	–	0
Славгородский	–	2	–	0	–	–	0
Тарский	6	7	1 ¹⁰	2 ¹⁰	16,7	28,6	–
Томский	–	21	–	2 ¹¹	–	9,5	53
Тулунский	3	0	0	0	–	–	0
Хакасский	0	0	0	0	–	–	0
ИТОГО	≥100	≥152	9	24	≥3,6	≥14,1	

Примечания:

¹ Подсчет автора.

² Инструкторы Бондарчук (полковник) и И.С. Успанов.

³ Инспектор Н.В. Григорьев (из мещан), «пьянство, антисоветские высказывания»; бухгалтер Д.И. Богданов, «руководитель восстания».

⁴ Агент прямых налогов И.Г. Бурдаков, «чуждый советской власти, связь и пьянство с нэпманами»; инспектор по государственным фондам В.М. Глазунов, «к работе относится недобросовестно, причинил финотделу значи-

тельный ущерб, используя служебное положение, приобрел по низким ценам ценные вещи из государственного фонда имущества»; заведующий сберкассой Л.Л. Войткевич, «чуждый элемент, развалил аппарат сберкассы».

⁵ Оба офицера из крестьян.

⁶ В 1928 г. инструктор Л.Л. Терских (из служащих, имел среднее образование), «начальник колчаковских курсов, активно боролся против советской власти»; инспектор прямых налогов Н.И./П. Дранкин/Драпкин (из мещан, имел среднее образование), «служил в отряде Бакича». В 1929 г. те же лица, а также инспектор косвенных налогов И.Г. Долин (из потомственных почетных граждан, имел высшее образование), «связь с частником»; фининспектор А.Д. Виноградов (из служащих, имел высшее образование).

⁷ С.И. Син, «белый юнкер»; инструктор бюджета Т.И. Танаев; заведующий канцелярией Н.Н. Никифоров; делопроизводитель Л.Т. Горский; контролеры П.Ф. Богомазов и В.А. Терехин, «колчаковские чиновники».

⁸ В 1928 г. экономист Н.И. Назаров (из служащих, имел высшее образование) был сначала «вычищен» с оговоркой «замена требует большой осторожности, как специалист, хороший исполнитель; работает по степени оплаты труда; его принцип: платят – работаю, будут мало платить – не стану работать». В 1929 г. восстановлен.

⁹ Инспектор Л.Е. Беляев.

¹⁰ В 1928 г. инспектор Коноплин-Курский; в 1929 г. – он же и инспектор С.М. Андриевский, «связь с чуждым элементом».

¹¹ Заведующий канцелярией В.Н. Краснопевцев (имел высшее образование), «чуждый элемент»; делопроизводитель Глушков, «домовладелец».

Характеристик на этих лиц в приложении к упомянутому письму чаще нет либо это формулировки типа «белый юнкер», «чуждый элемент» и т.п. Подробнее описаны причины увольнений из-за служебных нарушений. Показателен пример Иркутского окружного финотдела, где уволили трех экс-белогвардейцев. Это агент прямых налогов И.Г. Бурдаков («чуждый советской власти, связь и пьянство с нэпманами»), инспектор по государственным фондам В.М. Глазунов («причинил финотделу значительный ущерб, используя служебное положение, приобрел по низким ценам ценные вещи из государственного фонда имущества») и завсберкассой Л.Л. Войткевич («чуждый элемент, развалил аппарат сберкассы»)³¹.

Но социальные девиации бывших офицеров не составляли исключения своей эпохи. Стремление к получению «незаконных выгод» отчасти можно оправдать неустроенностью жизни провинции, не восстановившейся от разрухи Гражданской войны. Что касается аморального поведения (прежде всего пьянства), то в 1920-е гг. оно было распространенной негативной характеристикой советского партийно-государственного аппарата в целом³² и даже ОГПУ³³. Это можно объяснить и следствием общего падения морали революционного общества в России³⁴, и «посттравматическим синдромом» сотен тысяч участников и очевидцев военных событий 1914–1922 гг.³⁵

Хотя в силу разнородности содержания документов, их архивной сохранности необходимые сведения представлены неоднородно и неполно, использование делопроизводства и переписки советских ведомств дает репрезентативные представления о неоднозначном положении в СССР бывших офицеров на примере трудовой дискриминации по политическому признаку. Описанный в масштабах Сибири аспект на узком примере группы крупных и важных государственных учреждений демонстрирует жесткость грянувших вскоре в СССР общественно-политических трансформаций. Но подтверждаются и казусы «личностной природы». Ведь какой бы жесткой (а подчас и абсурдной) ни была бюрократическая система, мероприятия в жизнь претворяет конкретный человек (группа лиц), иногда осознанно рискуя во благо возглавляемого учреждения или коллег.

³¹ ГАНО. Ф. Р-6. Оп. 2А. Д. 16. Л. 227.

³² Штырбул А.А. К урокам прошлого (о монографии В.П. Василевского, А.В. Сушко «“Стражи революции”: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье») // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2017. № 4. С. 9.

³³ Сушко А.В. Борьба с пьянством в органах ОГПУ в Сибири в 1920-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 160–167.

³⁴ Стейнберг М. Великая русская революция, 1905–1921. М.: Ин-т Гайдара, 2018. С. 194–206.

³⁵ Аксенов В.Б. От «революционного психоза» к «контрреволюционному комплексу»: психоэмоциональная динамика российского общества в статистике, диагнозах и оценках обывателей в годы Революций и Гражданской войны // Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922. СПб., 2020. С. 337–356.

Как видно, и в конце 1920-х гг., и спустя 10 лет офицерское и (или) антибольшевистское прошлое выступало социальным маркером к потенциальному преследованию по политическим мотивам. Перспективой исследования может быть установление судеб советских финансистов из числа бывших офицеров. Изученный узкий пример ситуации в окружных финотделах Сибири в конце 1920-х гг. может быть успешно экстраполирован на иные сферы (образование, медицина, промышленность и др.), где весомую долю специалистов интеллектуального труда составляли бывшие (белые) офицеры и военные чиновники. Несмотря на «пресс» системы в конце 1920-х гг., специалистов «из бывших» ценили. Они, несмотря на массовые политические репрессии, продолжали занимать ответственные посты в советских учреждениях: кому-то интеллектуальные способности и счастливый случай позволили выжить. Данный тезис актуализирует рассмотрение вопроса о «бывших людях», переживших Большой террор, касается это и офицерства, каковое в СССР не было уничтожено полностью.

Литература

Аксенов В.Б. От «революционного психоза» к «контрреволюционному комплексу»: психоэмоциональная динамика российского общества в статистике, диагнозах и оценках обывателей в годы Революций и Гражданской войны // Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922. СПб., 2020. С. 337–356.

Алексеева О.А., Журавлев Е.Н., Сушко А.В. Рецензия: «“Белые офицеры – красная власть”»: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 г. – 1920-е гг.). Омск: Амфора, 2017 // Северные Архивы и Экспедиции. 2018. Т. 2, № 3. С. 44–55.

Анфертьев И.А. Политический и административный ресурс правящей РКП(б)–ВКП(б): поиск модели социального государства в 1920–1930-х гг. // Вестник архивиста. 2016. № 4. С. 197–224.

Василевский В.П., Сушко А.В. «Стражи революции»: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск: ОмГТУ, 2017. 280 с.

Исаев В.И. Чистки кадрового состава судебных органов Сибири в 1920-е – начале 1930-х гг. // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2015. № 13. С. 52–65.

Киселева Е.Л. Чистки государственных учреждений в 1929–1932 гг. как советский метод борьбы с бюрократизмом // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2009. № 4. С. 60–74.

Красильников С.А. «Генеральная чистка» госаппарата 1929–1932 годов как проявление кризиса легитимности партийного государства // ЭКО. 2020. № 8. С. 164–192.

Красильников С.А. «Не для печати»: «чистки» специалистов как инструмент большевистской политики в 1928 году // Вестник Новосибирского государственного университета. 2012. № 1. С. 151–158.

Литвинова О.А. Чистка государственного аппарата в Сибири в середине 1920-х гг. в ракурсе проблемы нисходящей мобильности в советском социуме // Ползуновский альманах. 2015. № 3. С. 152–156.

Николаев М.Г. Госбанк СССР в 1927–1929 гг.: курс на «оздоровление» кадров накануне полномасштабной «чистки» советского госаппарата // Российская история. 2020. № 5. С. 124–141.

Петин Д.И., Каминский В.В. Генерал-майор Генштаба Н.Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 275–300.

Петин Д.И., Стельмак М.М. Кадровый состав Омского окружного финансового отдела: источниковедческий анализ и статистика. Август 1927 г. // Вестник архивиста. 2020. № 2. С. 380–392.

Пыстина Л.И. «Чистка» специалистов Сибкрайсовнархоза в 1930 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2001. № 2. С. 65–69.

Разгон В.Н. Партийные чистки 1933–1936 гг. и Большой террор: микроисторический подход (на примере Солтонского района Алтайского края) // Universum: Общественные науки. 2016. № 12. С. 10–14.

Рыбаков Р.В. Восприятие революции в России молодежью: по материалам писем и дневников 1917-го – первой половины 1920-х гг. // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2017. № 2. С. 31–33.

Саламатова М.С. «Лучше бы расстреляли меня сразу...»: судьбы офицеров белых армий в Сибирском крае (1921–1929 гг.) // Тюменский исторический сборник. 2015. № XVII. С. 214–228.

Смирнова Т.М. Чистки совapparата как часть повседневности 1920–1930-х гг. // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2009. № 3. С. 103–120.

Стейнберг М. Великая русская революция, 1905–1921. М.: Ин-т Гайдара, 2018. 560 с.

Сушко А.В. Борьба с пьянством в органах ОГПУ в Сибири в 1920-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 160–167.

Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 – 1941 г.). Томск: ТГУ, 2012. 586 с.

Фоминых С.Ф., Шандала Д.Е. «Чистка» студентов в Томском государственном университете в конце 1920-х гг. как инструмент пролетаризации высшей школы // Вестник Томского университета. 2016. № 411. С. 177–182.

Шишкин В.И. Политическая адаптация населения Сибири в XX веке: теоретико-методологические подходы и историографические результаты изучения // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века. Новосибирск: Параллель, Ин-т истории СО РАН, 2015. С. 3–44.

Штырбул А. А. К урокам прошлого (о монографии В.П. Василевского, А.В. Сушко «“Стражи революции”: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье») // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2017. № 4. С. 8–10.

References

Alekseyeva, O.A., Zhuravlev, E.N., Sushko, A.V. (2018). Retsenziya: “Belyye ofitsery – krasnaya vlast’”: imennoy ukazatel’ k fondam Istoricheskogo arkhiva Omskoy oblasti (konets 1919 g. – 1920-ye gg.)” – Omsk, “Amfora”, 2017 [Review: “White Officers – Red Power”: A Name Index to the Funds of the Historical Archive of the Omsk Region (late 1919 – 1920s)” – Omsk, “Amphora”, 2017]. In *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii*. Vol. 2, No. 3, pp. 44–55.

Aksenov, V.B. (2020). Ot “revolyutsionnogo psikhoza” k “kontrrevolyutsionnomu kompleksu”: psikhoemotsional’naya dinamika rossiyskogo obshchestva v statistike, diagnozakh i otsenkakh obyvateley v gody Revolyutsiy i Grazhdanskoy voyny [From “Revolutionary Psychosis” to “Counter-Revolutionary Complex”: Psycho-Emotional Dynamics of Russian Society in Statistics, Diagnoses and Assessments of the Inhabitants During the Years of the Revolutions and the Civil War]. In *Grazhdanskaya voyna v Rossii: Zhizn’ v epokhu sotsial’nykh eksperimentov i voennykh ispytaniy, 1917–1922*. St. Petersburg, pp. 337–356.

Anfert’yev, I.A. (2016). Politicheskiy i administrativnyy resurs pravyyashchey RKP(b)–VKP(b): poisk modeli sotsial’nogo gosudarstva v 1920–1930-kh gg. [Political and Administrative Resource of the Ruling RCP(b)–VKP(b): Search for a Model of the Welfare State in the 1920s–1930s]. In *Vestnik arkhivista*. No. 4, pp. 197–224.

Fominykh, S.F., Shandala, D.E. (2016). “Chistka” studentov v Tomskom gosudarstvennom universitete v kontse 1920-kh gg. kak instrument proletarizatsii vysshey shkoly [“Purge” of Students at Tomsk State University in the Late 1920s as a Tool for the Proletarianization of Higher Education]. In *Vestnik Tomskogo universiteta*. No. 411, pp. 177–182.

Isayev, V.I. (2015). Chistki kadrovogo sostava sudebnykh organov Sibiri v 1920-e – nachale 1930-kh gg. [Purges of the Personnel of the Judicial Bodies of Siberia in the 1920s – Early 1930s]. In *Istoriko-pravovyye problemy: Novyy rakurs*. No. 13, pp. 52–65.

Kiseleva, E.L. (2009). Chistki gosudarstvennykh uchrezhdeniy v 1929–1932 gg. kak sovet-skiy metod bor’by s byurokratizmom [Purges of Public Institutions in 1929–1932 as a Soviet Method of Combating Bureaucracy]. In *Vestnik RUDN. Seriya Istoriya Rossii*. No. 4, pp. 60–74.

Krasil'nikov, S.A. (2020). "General'naya chistka" gosapparata 1929–1932 godov kak proyavleniye krizisa legitimnosti partiynogo gosudarstva ["General Purge" of the State Apparatus in 1929–1932 as a Manifestation of the Crisis of Legitimacy of the Party State]. In *EKO*. No. 8, pp. 164–192.

Krasil'nikov, S.A. (2012). "Ne dlya pechati": "chistki" spetsialistov kak instrument bol'shevistskoy politiki v 1928 godu ["Not for Print": "Purges" of Specialists as an Instrument of Bolshevik Policy in 1928]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1, pp. 151–158.

Litvinova, O.A. (2015). Chistka gosudarstvennogo apparata v Sibiri v seredine 1920-kh gg. v rakurse problemy niskhodyashchey mobil'nosti v sovetskom sotsiume [Purge of the State Apparatus in Siberia in the mid-1920s from the Perspective of the Problem of Downward Mobility in the Soviet Society]. In *Polzunovskiy al'manakh*. No. 3, pp. 152–156.

Nikolaev, M.G. (2020). Gosbank SSSR v 1927–1929 gg.: kurs na "ozdorovleniye" kadrov nakanune polnomasshtabnoy "chistki" sovetskogo gosapparata [The State Bank of the USSR in 1927–1929: A Course Towards the "Recovery" of Personnel on the Eve of a Full-Scale "Purge" of the Soviet State Apparatus]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 5, pp. 124–141.

Petin, D.I., Kaminskiy, V.V. (2017). General-mayor Genshtaba N.N. Artamonov (1872–1937): biografiya skvoz' prizmu novykh istochnikov [Major General of the General Staff N.N. Artamonov (1872–1937): Biography Through the Prism of New Sources]. In *Vestnik arkhivista*. No. 3, pp. 275–300.

Petin, D.I., Stel'mak, M.M. (2020). Kadrovyy sostav Omskogo okruzhnogo finansovogo otdela: istochnikovedcheskiy analiz i statistika. Avgust 1927 g. [Personnel of the Omsk District Financial Department: Source Analysis and Statistics. August 1927]. In *Vestnik arkhivista*. No. 2, pp. 380–392.

Pystina, L.I. (2001). "Chistka" spetsialistov Sibkraysovnarkhoza v 1930 g. ["Purge" of Sibkraisovnarkhoz Specialists in 1930]. In *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*. 2001. No. 2, pp. 65–69.

Razgon, V.N. (2016). Partiynyye chistki 1933–1936 gg. i Bol'shoy terror: mikroistoricheskiy podkhod (na primere Soltonskogo rayona Altayskogo kraya) [Party Purges 1933–1936 and the Great Terror: A Microhistorical Approach (On the Example of the Soltonsky District of the Altai Territory)]. In *Universum: Obshchestvennyye nauki*. No. 12, pp. 10–14.

Rybakov, R.V. (2017). Vospriyatiye revolyutsii v Rossii molodezh'yu: po materialam pisem i dnevnikov 1917-go – pervoy poloviny 1920-kh gg. [Perception of the Revolution in Russia by Young People: Based on the Materials of Letters and Diaries of 1917 – the First Half of the 1920s]. In *Omskiy nauchny'y vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. No. 2, pp. 31–33.

Salamatova, M.S. (2015). Luchshe by rasstrelyali menya srazu...": sud'by ofitserov belykh armiy v Sibirskom kraye (1921–1929 gg.) ["It Would be Better if They Shot Me Right Away...": The Fate of Officers of the White Armies in the Siberian Territory (1921–1929)]. In *Tyumenskiy istoricheskiy sbornik*. No. 17, pp. 214–228.

Shishkin, V.I. (2015). Politicheskaya adaptatsiya naseleniya Sibiri v XX veke: teoretiko-metodologicheskiye podkhody i istoriograficheskiye rezul'taty izucheniya [Political Adaptation of the Population of Siberia in the 20th Century: The Oretical and Methodological Approaches and Historiographic Results of the Study]. In *Politicheskaya adaptatsiya naseleniya Sibiri v pervoy treti XX veka*. Novosibirsk, Parallel, Institute of History Branch of the RAS, pp. 3–44.

Shtyrbul, A.A. (2017). K urokam proshlogo (o monografii V.P. Vasilevskogo, A.V. Sushko "Strazhi revolyutsii": organy GPU–OGPU v Omskom Priirtysh'ye") [To the Lessons of the Past (About the Monograph by V.P. Vasilevsky, A.V. Sushko "Guardians of the Revolution": GPU–OGPU Bodies in the Omsk Irtysh Region)] In *Omskiy nauchny'y vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. No. 4, pp. 8–10.

Smirnova, T.M. (2009). Chistki sovapparata kak chast' povsednevnosti 1920–1930-kh gg. [Purges of the Soviet Officials as Part of Everyday Life in the 1920s–1930s]. In *Vestnik RUDN. Seriya Istoriya Rossii*. No. 3, pp. 103–120.

Steynberg, M. (2018). *Velikaya russkaya revolyutsiya, 1905–1921* [The Great Russian Revolution, 1905–1921]. Moscow, Institut Gaydara. 560 p.

Sushko, A.V. (2020). *Bor'ba s p'yanstvom v organakh OGPU v Sibiri v 1920-kh gg.* [The Fight Against Drunkenness in the Organs of the OGPU in Siberia in the 1920s]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 452, pp. 160–167.

Uymanov, V.N. (2012). *Likvidatsiya i rehabilitatsiya: politicheskiye repressii v Zapadnoy Sibiri v sisteme bol'shevistskoy vlasti (konets 1919 – 1941 g.)* [Liquidation and Rehabilitation: Political Repressions in Western Siberia in the System of Bolshevik Power (End of 1919 – 1941)]. Tomsk, TGU. 586 p.

Vasilevskiy, V.P., Sushko, A.V. (2017). *“Strazhi revolyutsii”: organy GPU–OGPU v Omskom Priirtysh'ye* [“Guardians of the Revolution”: Bodies of the GPU-OGPU in the Omsk Irtysh Region]. Omsk, OmGTU. 280 p.